

ОБ ОДНОМ ЗАИМСТВОВАННОМ СРЕДНЕМОНГОЛЬСКОМ
СЛОВЕ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время немало сделано в области истории и реконструкции системы среднемонгольского языка. Были опубликованы и исследованы среднемонгольские глоссы и тексты в китайских, тибетских, армянских, грузинских, арабских и латинских источниках, монгольские тексты того времени на уйгурском и квадратном письме, более поздние монгольские тексты, содержащие среднемонгольские реликты, были изучены вместе с заимствованными среднемонгольскими словами в таких языках, как корейский, команский, караимский, якутский, персидский и др. Благодаря этим работам можно описать основные черты грамматики среднемонгольского языка.

В данной небольшой статье хотелось бы привлечь внимание еще к ряду источников, которые до сих пор как-то упускались из виду. Речь пойдет о финно-угорских и тюркских языках Поволжья, носители которых входили в XIII в. в тесный контакт с монголами. Поэтому можно предположить, что в этих языках также есть заимствованные среднемонгольские слова. Рассмотрим одно из них.

В марийском языке есть слово *saus, savüs* 'дружка', 'шафер', 'распорядитель в свадебном обряде, приглашаемый женихом'. Очень важные диалектные данные приведены М. Рясяненом в его книге о чувашских заимствованиях в марийском /9, 190?: бирский — *s'äüs'* (Рясянен), *saus* (Паасонен), пермский — *s'aRs'*, *s'aRus'* (Пенетт), а также *sävus, saus,*

sagus (Хемелейнен), *saus* (Холмберг). Это марийское слово ранее связывалось Паасоненом с тюркским словом *çauş*, *çavuş* [7, 242]. Последнее имеется уже в работе Махмуда Кашгари и было заимствовано некоторыми нетюркскими языками: персидским, курдским, армянским, арабским, суахили, грузинским, средне- новогреческим, польским, румынским, сербским, болгарским, словацким, украинским и дважды было заимствовано венгерским [4, 35-38; 3, 487, 567]. Слово *çauş* везде имеет значение «командир», «герольд», «стража» и не имеет никакой связи с марийским словом ни с фонетической, ни с семантической стороны.

Рясянен реконструировал чувашскую форму *savăş* и связал ее с тюркским словом *yaucı* 'посредник в свадебных делах' [9, 190]. В недавно опубликованном этимологическом словаре он проводит генетическую связь между этим тюркским словом и предполагаемым монгольским **jabulči* [10, 176]. В действительности же мы сталкиваемся здесь со среднемонгольским заимствованным словом, которое возможно реконструировать в форме **jauci*. Среднемонгольское слово должно восходить к корню **jaɣu* 'середина', ср.: *jaɣura* 'промежуток', 'пространство между', *jaɣurmaɣ* 'половина пути', 'срединная точка'; *jabsar* 'промежуток', 'щель', *jabsarla* 'делать перерыв', *jayi* 'промежуток', 'пространство'. Приведенное гнездо монгольских слов рассматривал В. Котвич [5, 334-335], который пытался связать его с известным словом *jam* 'станция', 'почтовая служба', 'дорога'. Я не думаю, что слово *jam* имеет какое-либо отношение к корню **jaR > jab, jaɣu, jayi*. Это старое слово «культурного» фонда имеет, по-видимому, индоевропейское происхождение. Оно может быть связано с тохарским в *yoñiya*, а *yom* < древнетохарским **yat* индоевропейским **iān*, это то же самое, что санскритское *yana* 'дорога'. В слове **jauci* есть суффикс *-ci*, который образует существительные со значением деятеля, а само слово имеет значение "посредник", "сват", "сваха". Среднемонгольская форма корня **jaɣu* (< *jabu*) была *jav*, см. «Сокровенное сказание»: *ja-*

ura ‘между’, ‘по пути’; *Hua yi yi yü: ja'ura* – то же, *ja'urtaliy* ‘на полпути’, ‘не заверченный до конца’; в квадратном письме: *ja'ura* ‘среди’, ‘между’ и др. Мне не попало слово *jauci* в среднемонгольских источниках, но оно хорошо известно в литературном монгольском (*jauci*) и вообще в монгольских языках: халхаском – *dzüts* ‘сват’, ‘сводник’, ‘посредник’; ордосском – *dzütsi* ‘посредник в свадебных делах’, ‘сводня’, бурятском – *zürsa* ‘посредник’, ‘ходатай за кого-либо’, ‘сводник’; калмыцком – *züts*, *zülts* ‘посредник’. Монгольское слово было заимствовано некоторыми тюркскими языками. В одной группе этих языков находим звук *u*: у алтайских тюрков – *d'utsi*; у киргизов – *dzütsu* ‘сват’, ‘сваха’; в других языках сохранился дифтонг *au*: чагатайском – *yauci*, каракалпакском – *jausi*, татарском – *yäuci* (> чувашское *yavič*, *yevče*), башкирском *yausi*, а также у сибирских татар – *sautsi* ‘сват’, ‘сваха’.

В.Г. Егоров, исследовавший чувашское слово *yevče* [1, 60], соотносит его с такими словами, как *elci*, *savci* и монгольским *jauci*. Первые два слова не имеют ничего общего с чувашским словом, третье же является вторичной формой от *jauci*. Чувашское слово в действительности является поздним заимствованием из татарского.

Среднемонгольское *jauci было заимствовано волжскими булгарами. Из надписей в захоронениях волжских булгар известно, что *ǰ* сохранился по крайней мере в одном из среднебулгарских диалектов: 1281/82 *ǰāl*, 1355/56 *ǰāl* ‘год’ (тюркское *yāš*), 1288 *ǰieti*, 1357 *ǰiei* ‘семь’ (тюркское *yēti*), 1281/82 *ǰur*, 1357 *ǰür* ‘сто’ (тюркское *yüz*). Звук *ǰ* в чувашском позднее развился в *š*, например, *šul* ‘год’, *šiče* ‘семь’, *šer* ‘сто’. Чувашский звук *š* регулярно замещает *s* в чувашских заимствованиях из марийского: марийское *surt* ‘дом’ > чувашское *šurt* (тюркское *yürt*); марийское *sorta*, *sarta* ‘свеча’ – чувашское *surta* (тюркское *yarta*); марийское *sura* ‘замок’, ‘запор’ > чувашское *šara* (тюркское *yazaq*) и др. Звук *š* сохранился также в среднебулгарском: 1323: *w^ešim*, *wüšim*

‘третий’ (тюркское *üç* ‘три’). Среднебулгарский звук перешел в чувашском в *s*: *kas* ‘вечер’ (тюркское *kāç*); *timersĕ* ‘кузнец’ (тюркское *temürçi*); *puläsă* ‘рыбак’ (тюркское *baliqçi*); а затем этот *s* точно также развился в марийском в *s*. Таким образом, чувашская форма может быть реконструирована как **saus(i)*, а марийское *saus* является его закономерным соответствием.

Это значит, что марийское слово сохранило утраченное чувашское слово, которое само по себе явилось заимствованием из среднемонгольского. Сохранившийся дифтонг *au*, бесспорно, является отличительной чертой среднемонгольского языка (среднемонгольский *au* сохранился также в некоторых случаях в монгольском, дагурском, дунсянском языках) [2, 78; 8, 67; 6, 163], а эволюция среднемонгольский *j* > среднебулгарский *j* > *s* > марийский *s* > *s* очень помогает в реконструкции сравнительной хронологии эволюции булгарско-чувашского *j* > *s* и марийского *s* > *s*. Эти эволюции не могли произойти ранее XIII в., когда монголы вошли в соприкосновение с Булгарским княжеством в районе Средней Волги. И, наконец, последнее по счету, но не последнее по важности: путь развития слова ясно показывает, что чувашские заимствования в марийском не могли появиться ранее XIII-XIV вв.

Это только один пример из многих, свидетельствующих о том, как много может дать изучение среднемонгольских заимствований в языках Поволжья.

Литература

1. Егоров В.Г., Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1964.
2. Санжеев Г.Д., Сравнительная грамматика монгольских языков, М., 1953.
3. Doerfer G., A magyar nyelv történeti etimologiai szótára, I, Wiesbaden, 1967.
4. Doerfer G., Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd III, Wiesbaden, 1967.

5. Kotwicz W., Contribution aux études altaïques, – RO, XVI, Lwów (Kraków), 1950.
6. Ligeti L., Notes sur le vocabulaire mongol d'Istanbul, – AOR, XVI, Budapest, 1963.
7. Paasonen, Ungarisch Türkische Etymologien, – KSz, III, Budapest, 1902.
8. Poppe N., Introduction to Mongolian Comparative Studies, – MSFOu, 110, Helsinki, 1955.
9. Räsänen M., Die Tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen, – MSFOu, XLVIII, Helsinki, 1920.
10. Räsänen M., Versuch eines etymologischen Wörterbuches der Türksprachen, Helsinki, 1969.

Библиографические сокращения

- AOH – «Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae».
 KSz – «Kélet Szemle (Revue orientale)» .
 MSFOu – «Memories de la Société Finno-ougrienne».
 RO – «Pocznik Orientalistyczny».